

О покушении на Александра II, о том, как прятала революционные прокламации в родительском доме, и об отношениях между сестрами Гуро

<https://oralhistory.ru/talks/orh-130>

🎙 27 ноября 1969

Собеседник

Гуро Екатерина Генриховна

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 27 ноября 1969 и опубликована 26 апреля 2016.

Введение

Записать беседу с писательницей и революционеркой Екатериной Гуро Виктору Дувакину посоветовал филолог Александр Парнис. Первая встреча Дувакина с Гуро, публиковавшейся под псевдонимом Екатерина Низен, состоялась в ноябре 1969 года, когда его собеседнице уже было 95 лет. К сожалению, возраст довольно сильно сказался на ясности ее воспоминаний, однако сам факт того, что на пленке остался голос человека, который помнит покушение на Александра II, производит впечатление: это слышно и по восхищенной интонации Виктора Дувакина. Мы публикуем текст беседы с сокращениями, вычленив из него основные истории и смыслы, а аудиозапись оставляем без изменений.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Екатерина Генриховна, скажите, пожалуйста, точно вашу дату рождения.

Екатерина Генриховна Гуро: Могу сказать. Это был ноябрь 1874 года.

В.Д.: Какого числа?

Е.Г.: Девятого. Вы знаете, это двигалось...

В.Д.: Знаю, знаю. <...>

Е.Г.: Все детство мое я провела в отдельном доме...

В.Д.: В имении?

Е.Г.: Нет-нет-нет, в городе, всё в городе. <...>

В.Д.: Отец ваш как военный, вероятно, был участником войн с Турцией. Но какой войны? Крымской или 78-го года? При вас это было, вы уже жили на свете? Вы были девочкой?

Е.Г.: Я думаю, что при мне. [Я помню], например, как собирались к моей матери и готовили корпию. Вы знаете, что такое корпия?

В.Д.: Щипать корпию, помню.

Е.Г.: Вот женщины все вместе щипали корпию. Так что я думаю, что это было... к какому-то определенному времени. <...> С моим отцом было вот каким образом: мой отец (в то время было обыкновение такое) играл на бирже. И вот он играл не лично, а за него играл кто-то.

Вообще для меня, надо помнить, что мое детство проходило в совершенной роскоши. Полной роскоши...

В.Д.: Он был богатый человек?

Е.Г.: Очень богатый. Богатый, но именно богатый такими случайными... <...> Если бы вы нашли Парниса, то вы у Парниса нашли бы мои собственные записи. <...> Сейчас многое могло просто стереться, забыться... У него все, что я лично писала, и ему это совершенно не нужно. <...>

В.Д.: Вы были старшей в семье?

Е.Г.: Нет-нет. Старше меня была Александра Генриховна, моя старшая сестра. Нас было трое девочек, трое сестер. Эта старшая, потом была я и Лена, то есть Елена Гуро. И вот мы с ней были бесконечно дружны. А та была наш настоящий враг, можно сказать.

В.Д.: Александра?

Е.Г.: Александра.

В.Д.: Она не одобряла вашей...

Е.Г.: Она вообще... Она — бывают же такие люди! — она невероятно жадный человек была. Просто я другого слова не могу выбрать. Ей казалось, что все, что мы действуем, это все ей во вред. Будто бы от нее что-то отнимают, и всячески она нас прижимала... Больше всего она боялась за то, что тот клочок земли, который за свои деньги купил отец, что этот клочок пойдет кому-то из нас. Настолько она за это цеплялась, что когда моя любимая сестра Елена Гуро умоляла ее только, чтобы можно было приезжать, [говорила,] мне ничего не нужно, это мое детство. И та запретила.

В.Д.: А где был этот кусочек земли?

Петербургская губерния. Новоселье Лужского уезда. 213 верста. Вид на водонапорную башню у станции

Е. Г.: А-а-а, сколько угодно! Станция Новоселье Варшавской железной дороги. Следующая станция была Торошино, это уже Псковская [губерния].

В. Д.: И там бывала Гуро в детстве? Там Гуро провела детство? Так что ее вещи, в которых очень много воспоминаний детства, связаны с этими местами?

Е. Г.: Обязательно. Это я могу вам очень точно рассказать. Там был камень, который я называла Рыбка, там еще что-то такое. И вот это все такие мелочи, которые мне казались интересными лично, это все должно быть в большом количестве у Парниса.

В. Д.: То есть вы это все записали? У вас это написано?

Е. Г.: Ну да, письма. Очень много писем...

В. Д.: А вы сами мемуары написали о детстве?

Е. Г.: Отдельно мемуары... (*Задумывается.*) Возможно, возможно, в молодости...

Генрих Михайлович Гуро (сын): Она не докончила...

Е. Г.: В молодости я ужасно любила писать. Это у меня просто такая, знаете, мания что-то такое писать.

В. Д.: А сейчас вы не пишете?

Е. Г. (*усмехается*): Нет, сейчас я такого рода я уже не пишу. Не знаю, почему-то разлюбила я что-то. Что-то во мне стало против, а то, конечно, писала.

В. Д.: И что же, вы в Петербурге выросли?

Е. Г.: Да, конечно. <...>

Г. Г.: Где квартира твоя помещалась? Где вы жили в Петербурге?

Е. Г.: Я же тебе говорю, это был штаб... Не знаю, чего уже...

В. Д.: Ах, это там, где арка Главного штаба? Это в центре, около Зимнего?..

Е. Г.: Да-да-да. Из окна я видела эту огромную площадь, которая была перед Зимним. И, значит, тот кусочек, который выводил на это, как это было... Какое же это было?.. Там такое... Погодите-ка мне очень хотелось бы... Это я знаю как свои пять пальцев... Там еще было. где баронесса Кляйнмихель¹, где пиновала вся знать...

¹ Вероятно, Екатерина Гуро вспоминает дом графини М. Э. Кляйнмихельна ул. Сергиевской (Чайковского), 33–37, но этот дом находится вне прямой видимости от Главного штаба.

В. Д.: Так это же, по-моему, Мильонная. Там уже Мильонная идет?

Е. Г.: Идет, да. Нет, это узенький переулочек. Если бы увидела план Петербурга, я сейчас бы показала. Это легко было бы... <...>

В. Д.: А учились вы где?

Е. Г.: <...> [Родители решили], что мы, так сказать, дворяне, высший сорт, [и] если бы я поступила в обыкновенную гимназию, то это было бы снижением каким-то, и против этого отец был решительно. <...> Я училась сначала дома. А потом уже по настоянию всех окружающих, которые говорили: «Ну, хорошо, хорошо, вы ее обучаете, но ведь потом она останется беспомощной. Она должна иметь что-то такое... [аттестат]. <...> Одним словом, потом я уже держала экзамены, всегда очень удачно.

И когда я кончила, то меня со всеми выдающимися девочками привезли... вероятно, это в Царском селе было. И тогдашняя императрица, Мария Федоровна, нам давала... У меня была такая большая золотая медаль. <...>

Мне было лет шестнадцать.

В. Д.: (считает): 84-й, 86-й... Значит, это уже было при Александре III. <...>

(В сторону.) Очень любопытно. Одной из футуристок.

И вы к тому времени <...> литературой уже увлекались?

Е. Г.: Нет. Вот в таком настоящем смысле я не занималась. Первое мое выступление было вот как: однажды мою сестру <...> пригласили участвовать в сборнике и что угодно написать там.

И тогда моя сестра сказала: «Почему же меня, вот моя сестра Катя, которая гораздо больше моего писала». И мне тоже дали <...>

В. Д.: Ну, это вы уже вспоминаете «Садок судей» первый. Но это уже 1909 год, вам уже за тридцать лет, вам 35 лет в 909-м году. А мы пока дошли до того, что вам шестнадцать лет, то есть 80-е годы. <...>

О своей революционной деятельности

Е. Г.: В то время я была определенно революционеркой. <...>

В. Д.: А как вы попали в революционерки из этого генеральского дома?

Е. Г.: Как я сама попала? Это для меня очень большой (?) момент. Была такая учительница, Репьева. Она была учительницей географии. Ее имение, где она родилась и выросла, было на Волге, там же, где был и Ленин. <...>

В. Д.: А чем вы занимались [в 1890-е годы]?

Е. Г.: Давала уроки. С самого начала жила у своих родителей. И от них я еще не уходила. Вот когда я окончательно ушла в революцию, я сама, совершенно самостоятельно, ушла от своих родителей. И как я жила — сама не знаю. Очень плохо, вероятно, жила. Но жила и жила и жила.

И мне ни одной минуты не было жалко, что там у меня осталось имение, осталась верховая... Отец меня очень любил. Верховая лошадь была.

В. Д.: <...> Когда же это произошло и по каким причинам?

Е. Г.: Причины... те, что мне там стало дышать нечем, потому что все, что я делала, я делала уже для революции, а где мне было держать это все? Ведь свои драгоценности², так сказать, я держала среди каких-то сапог или чего-то такого... Одним словом, в вещах моего отца и в вещах моего дома. И мне самой стало настолько тяжело (я ведь их обманывала ежеминутно), что я просто сказала, что я ухожу. И что меня удивляет до сих пор, что они мне ничего не сказали.

² Имеются в виду ценные для революционера вещи.

В. Д.: В каком это было году? Сколько вам было лет, когда вы связались с революцией?

Е. Г.: Да-да-да-да, сейчас скажу... Я еще не кончила гимназию. И все мое соприкосновение с революцией произошло только благодаря моей учительнице географии Репьевой. У нее было небольшое поместье, что ли, откуда она была родом, на Волге. И рядом с этим имением было имение Ленина...

В. Д.: Ильи Николаевича Ульянова. <...> Значит, эта Репьева была тоже из приволжских дворян, так?

Е. Г.: Да. <...>

(Технический дефект. Пропуск в записи. Гуро отвечает, что примыкала к марксистам и все ее окружение было марксистским.)

Потому что мои близкие знакомые все были там... у меня бывали дома. Ведь очень смешно, почему терпели... Вот отец мой и все терпели у себя всех моих знакомых. Ведь мои знакомые по вечерам у меня собирались.

В. Д.: У генерала?

Е. Г.: Когда я еще была гимназистка. Собирались у меня, и мы вместе там читали и рассуждали и все... Разные люди собирались. <...>

Помню расположение вещей. Помню, например, какие огромные были шкафы, наполненные всякими такими дорогими вещами... И в столовой... и окна из столовой выходили на эту площадь. И вот когда было потом убийство... А убийство вышло...

В. Д.: Вы помните убийство Александра II?

Е. Г.: Да-да-да.

В. Д.: Но ведь вам было семь лет?

Е. Г.: Похоже на то. <...>

В. Д.: <...> Вы помните этот факт? Сам по себе... разговоры о нем?

Е. Г.: Помню и очень хорошо. И сейчас я вам скажу. Это у меня было записано, жалко, что потерялось. <...>

В. Д.: Ваши ранние воспоминания связаны: Русско-турецкая война, а потом — 1 марта 81-го года. Убийство Александра II народолюбцами.

Е. Г.: Да-да-да.

В. Д.: И дома это, конечно, переживалось очень тяжело.

Е. Г.: Да-да-да. Во-первых, я помню, нас... запретили, строго запретили подходить к окнам. Чтобы мы не смотрели, что там было. А там, конечно, площадь была... пустая площадь. Я не помню, чтобы там была масса народу, вот это я не помню. Убийство происходило не на площади. Вы, вероятно, всё знаете?

В. Д.: Знаю, знаю. <...> Вот вы говорите, что ушли из дому. Куда же вы ушли? Вы с мужем ушли или сами?

Е. Г.: Нет-нет, я ушла и занимала себе какую-то каморку. Вообще я была очень смелая, мне было решительно все равно.

В. Д.: И вы давали уроки?

Е. Г.: Давала уроки.

В. Д.: И исполняли какие-то революционные поручения.

Е. Г.: Да.

В. Д.: <...> Значит, вы в 90-х годах непосредственно никаких попыток стать литератором не делали?

Е. Г.: Можно прямо сказать с какого момента... Пойду по другим уже линиям... Моя сестра Елена... Она училась в каком-то... Что это было, не знаю. Считали ее очень талантливой, и она училась в каком-то, как бы это сказать... Это не было учебное заведение...

В. Д.: Это была какая-то студия художественная?

Е. Г.: Вот-вот-вот³.

В. Д.: Она рисовала сама или актрисой хотела быть? Или певицей?

Е. Г.: Да-да. <...>

³ Речь идет о Рисовальной школе при Императорском обществе поощрения искусств в Санкт-Петербурге, куда Елена Гуро поступила в 13-летнем возрасте.

О Елене Гуро. О революционной деятельности

В. Д.: Екатерина Генриховна, а вы мне сейчас расскажите просто, уже безотносительно ко всяким конкретным датам, расскажите о своей сестре, Елене Генриховне. Что она была за человек? Что вы о ней помните? Вот ведь с вашей юностью больше всего связана Елена Генриховна? <...> Красивая она была?

Е. Г.: Нет-нет, Лена тоже нет. Она лучше меня. Про меня говорили, что у меня огромный рот до ушей и что вообще я некрасивая. А про Лену ничего не помню, что говорили. Но во всяком случае — у Лены моей были золотые волосы. Очень длинные, длинные.

Елена Гуро

В. Д.: Золотые волосы? Она рыжеватая была? <...>

Е. Г.: Нет, не рыжеватые, а просто золотые. В детстве у нее определенно только золотые. Ничего там рыжего не было. Потом, впоследствии, они стали как-то темнеть... И когда она умерла и умирала, то уже они были такие спутанные. Конечно, не было уже вот этого золотого. А в детстве это буквально золотые волосы были.

В. Д.: Вы были дружны с ней?

Е. Г.: С ней? Бесконечно, бесконечно, дружны.

Я скажу, что за всю мою жизнь я никого: ни мужей, ни детей — никого никогда не любила так, как я любила свою Лену. И она то же самое.

Я для нее была просто таким... Она все, что бы я ни сказала, и за кого бы я ни стояла, она целиком верила.

В. Д.: Значит, Елена Генриховна тоже соприкасалась с революционными настроениями? С революционными кругами тоже соприкасалась?

Е. Г.: Вот тут очень сложно было. Но она ради меня, конечно, позволяла мне все, что я хотела у нее хранить. Я у нее хранила. Мы жили рядом, две комнаты. Когда у меня были чужие, то у меня, в моей комнате, ничего никогда не было такого подозрительного. Все, что у меня было для революционных дел, я держала в ее комнате.

В. Д.: А отец знал о том, что вы этим занимаетесь?

Е. Г.: Очень сложно...

В. Д.: Ну, приблизительно...

Е. Г.: Не знал (?). Но я очень хорошо помню разговор, когда я ему говорю: «Как ты этого не можешь понять, ведь ты сам учил нас, [быть] честными, и так дальше... А раз все, что честное есть, было на стороне революции, то как же ты можешь думать, что меня там не было?».

В. Д.: Очаровательно.

Е. Г.: Это был очень интересный разговор. Мой отец, очевидно, рассказывал кому-то, что вот у него такое несчастье, что дочь у него свихнулась. Так вот меня какой-то очень важный человек, из Думы, должно быть... Одним словом он спрашивал меня почему и как я так верю. И я очень хорошо помню, я говорила: «Ты бы никогда бы никем другим не был, потому что ты был абсолютно честен». Вот, длинный такой разговор с ним. И когда я начинала такого рода разговор, отец замолкал. Он никогда не кричал, не спорил, ничего... Отчего так — не знаю.

Г. Г.: А где ты хранила прокламации?

Е. Г.: В то время, когда я жила дома и когда я уже начала усердно, так сказать, принимать участие в революции, то тогда прокламации я держала дома. Но опять же — не те, которые я распространяла. Очевидно, там так было устроено. Распространителями были кто-то другие. Потому что надо было, очевидно, в большом числе держать. А у меня уже были архивы скорее...

Г. Г.: А где ты их хранила?

Е. Г.: Я же тебе говорю... Вот стоял у меня [комод], в самом нижнем [ящике] подсунута между двумя деревянными [планками].

Одним словом, все, кто когда-нибудь хранил, они все очень легко поймут и сами расскажут вам, как это делалось. <...>

О первых литературных публикациях

Е. Г.: Если бы вы нашли первый сборник, в котором участвовала моя сестре Елена, там же она меня пригласила, и там я тоже участвовала. Вот там первое мое выступление в литературу...

В. Д.: Это «Садок судей» первый <...>

Е. Г.: А, нет! «Садок судей» — это футуристы. А то, о чем я говорю, это был сборник. Погодите, кто его издавал? Наверное, он есть... Назывался он...

В. Д.: Это много раньше было?

Е. Г.: <...> Это было мое первое литературное выступление, по совету моей сестры Елены я тоже туда отдала, и это тоже было напечатано. Интересно, найти бы. <...>

В. Д.: <...> Я так думал, что «Садок судей» — ваше первое выступление. А вы раньше уже печатались? <...>

Е. Г.: «Садок судей» — это всё уже футуристы. А это были не [футуристы]. А этот сборник, в котором Лена участвовала, это самый обыкновенный... Он [вышел], очевидно, раньше. А футуристы были позже. Это было просто по знакомству. Лену попросил кто-то написать. Она написала, и сейчас же, так как в прежнее время мы были с ней совершенно одно и то же, она сейчас же сказала мне: «Напиши ты тоже». Я тоже написала⁴.

⁴ Возможно, речь идет о: «Сборник молодых писателей». Изд-во Я. Левенштейн и О. С. Иодко. Санкт-Петербург, 1905.

В. Д.: А почему она так сказала? Вы дома для себя стихи писали? <...>

Е. Г.: Конечно, очень много. Писала, все время. Просто так вот описывала... Ну, скажем, какой-нибудь был сильный дождь или еще что-нибудь... Так чтоб я не записала! У меня вроде дневника было. [Невольный] такой дневник. Что вот сегодня такой был ужасный ливень, что не удалось там то-то или то-то.

Елена и Екатерина Гуро

В. Д.: А у вас ничего не осталось от стихов вашей юности?

Е. Г.: От стихов?

В. Д.: Или прозы...

Е. Г.: Проза, проза, только проза. Стихи я, по-моему, не писала. <...>

(Пауза в записи.)

В. Д. (*позднейшая запись*): Беседа была закончена, но через некоторое время Екатерина Генриховна опять стала рассказывать, и я включил магнитофон в середине фразы. Переписываю этот кусочек.

(Пауза в записи.)

Е. Г.: <...>Это уже было, когда появился этот сборник. И Лена, и я, мы уже были... Я писала гораздо раньше. Для себя, вроде как дневник. Вот у меня манера была такая: по вечерам записывать, что со мною случилось. Только это, конечно, было очень-очень давно. Вероятно, мне было лет 15–16, я в этом уверена. Но это совсем не интересно.

О происхождении своей фамилии. О своем деду по материнской линии

В. Д.: Гуро — это ваша фамилия по мужу или девичья?

Е. Г.: Гуро? Это фамилия моего отца.

В. Д.: Очень странная фамилия... Французская или какая?

Е. Г.: Французская, он же француз, мой отец. <...> Жили они в Гатчине, там военное общество, был вхож мой сын <...>

В. Д.: А маму вашу как звали, вы помните?

Е. Г. (*смеется*): Конечно! Анна Михайловна Чистякова.

В. Д.: Это тоже дворянская фамилия, да?

Е. Г.: Чистякова? Неужели я вам ничего не говорила, неужели вы ничего не знаете?! Так вот, Чистяков был до семнадцати лет, он абсолютно неграмотный. Парень деревенский, и больше ничего. <...> Он талантливый был, этот Чистяков, потому что с ним было так: он вздумал учиться. И из деревни он пошел пешком, по-моему, в Петербург (ближе была не Москва, а Петербург). Ходил там по улицам и спрашивал, как ему попасть в университет. Очень ему удивлялись, но случайно он попал на кого-то из кружка Некрасова... Тот взял его к себе домой, и там вся компания этого кружка, они занимались образованием этого Чистякова, но, с другой стороны, Чистяков на них попросту работал. Он им носил воду, колос дрова. Вот так они существовали все вместе.

В. Д.: И этот Чистяков был отец вашей мамы?

Е. Г.: Этот Чистяков был Михаил Борисович Чистяков. Это был отец моей матери.

В. Д.: А мама, значит уже получила образование?

Е. Г.: Благодаря ему. [Множество] известных людей восхищались, что он такой талантливый мальчишка, деревенский парень...

В. Д.: И значит, ваша мама уже получила образование и вышла замуж за офицера Гуро, который потом стал генералом. Ну, на этом мы сегодня поставим точку.